

Михаилу Александровичу Шолохову — 75 лет

«ЦЕЛИКОМ РОЖДЕН ОКТАБРЕМ»

Шолохов, — судя по первому тому, — талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь.

М. ГОРЬКИЙ, 1928 г.

Еще незаконченный роман Шолохова «Тихий Дон» — произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы. Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времен...

А. ЛУНАЧАРСКИЙ, 1929 г.

...Замечательное явление нашей литературы — Михаил Шолохов. Он целиком рожден Октябрем и создан советской эпохой. Он пришел в литературу с темой рождения нового общества в муках и трагедиях социальной борьбы.

А. ТОЛСТОЙ, 1942 г.

М. Шолохов — бесспорный и самый большой писатель. Он знает самые затаенные движения человеческих душ и с большим мастерством, по-настоящему умеет показывать это...

В. ШИШКОВ, 1940 г.

Лучшие новые произведения советских писателей (напр., Шолохова) связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого.

Р. РОЛЛАН.

Художник большой, настоящий

I.

Если вы захотите вдохнуть аромат вишневых садов в чуту, распахните первые страницы первого тома «Тихого Дона». Какая прелесть весенней природы ворвется к вам вместе с вишневым цветением в вашу душную городскую комнату!

Но не только прекрасно у Шолохова описание южно-русской природы. Оно пронизано жизнелюбием, радостью жить человеку на земле, сердечной теплотой к человеческому бытию. Тем, что мы называем книжным словом древнего латинского корня — оптимизмом.

Творчество Шолохова глубоко оптимистично. Жизнелюбием дышит начало «Тихого Дона», — и это тем удивительней, что самый роман в основе своей трагичен.

Вершиной этого жизнелюбия (мне хочется прибавить к нему наши новые эпитеты русского языка: большевистского, ленинского) является рассказ Шолохова «Судьба человека».

«Судьбу человека» нельзя читать без слез. Я не могла. И впервые читая, и перечитывая. Но какие это облегчающие, обнадеживающие слезы! Вся боль, горечь утраты, как дождь под лучами солнца, начинает испаряться, превращаться в не угасающую в человеке, подобно вечному огню на могиле Неизвестного солдата, потребности в любви.

Долго, долго после прочтения «Судьбы человека» меня преследовал образ бездомного

мальчонки, заснувшего, раскинувшись поперек убогой солдатской кровати. Тот человек, кто спас ему жизнь, пожалел, приютил его и сам нашел спасение для себя в возникшей привязанности к живому бесприютному комочку жизни, спасенной им.

Потребность в человеческой любви, человеческой привязанности, которая спасает и тебя самого, твою опрачненную горем душу, — вот то, что дает так называемый «смысл жизни»; то, что дает силы на подвиг, что питает корни революций. Наше поколение помнит, с какой любовью к угнетенным, к рабочему классу, к обездоленному беспросветным трудом народу приобщались мы к далекой заре восстаний, к зовущему пламени революций. Увлеченные могуществом теории, Марксом, Лениным, логикой движения социалистической мысли, мы подчас забываем, что не только теория влекла нас к революции (теория давала знание), но любовь к народу, любовь к труженнику, любовь к правде, справедливости и добру на земле. Любовь, рожденную по большевистскому завету переходом знания в убеждение, без которого нет могучей душевной силы на борьбу и жертву.

Образ мальчика, заснувшего поперек постели несчастного человека, показался мне символом перечеркивания горечи прежней жизни, переходом на новую страницу возрожденного бытия.

Горе народу, горе классу, горе человеку — тому, кто по-

терял большевистскую мудрость перехода своего знания в убеждение. Горе каждому, кто потерял потребность в человеческой любви, в привязанности хотя бы к малому клочку жизни на нашей родной планете — Земле.

Вот что, быть может, заметно и бессознательно, выносит читатель из рассказа «Судьба человека».

Одного этого впечатления, даруемого художественным творчеством, достаточно было бы для долгой жизни шолоховских книг.

Но Шолохов дал не только это.

Большой и настоящий художник, Шолохов достиг труднейшей классической высоты творчества в «Поднятой целине».

II.

Высшей областью художественного творчества является создание типа. Оно дается особым даром постижения людей, наблюдения их не просто как отдельных особей человеческого рода, а в реальной исторической ситуации, узле преломления личного характера с социальным строем. Разумеется, любую отвлеченную ситуацию можно выдумать и на фоне этой выдуманной жизни создать психологические конфликты, отдельные характеры людей, но не типы. Только в вынужденных приемах сатиры, чтобы проскочить цензуру своего времени, от древних комедий Аристофана до гротескного мира Рабле — создаются не

реальные типы, а вымышленные подобия реальных характеров. На фоне выдуманного условного строя создать реальный исторический тип невозможно.

Вспомним, как создавался бессмертный типаж «Мертвых душ». Пушкин предложил Гоголю интересный сюжет из русской крепостнической действительности. В крепостном праче был любопытный подстрек крестных. Он производился в известные промежутки времени. В так называемые «ревизские сказки» вносили живых крепостных крестьян, и до следующей ревизии они числились живыми. Но в промежуток между «описями» многие умирали. Эти покойники — до следующей ревизии — считались все еще живыми. Все можно было сделать с ними — купить, продать, как живых. Целое море для приключенческих, юмористических повестей типа знаменитого в свое время и забытого сейчас Барона Брамбеуса... Но что сделал Гоголь? Он использовал реальную историческую ситуацию для вершин классики — создания великой галереи незабываемых типов. Он взял своим пером не комизм ситуации, а узлы преломления характеров с исторической реальностью ситуации. И мы имеем много материалов, как изучал он для своей работы над «Мертвыми душами» экономические законы, все, что связывало комизм ситуации тогдашнего общественного строя с человеческими отрицательными

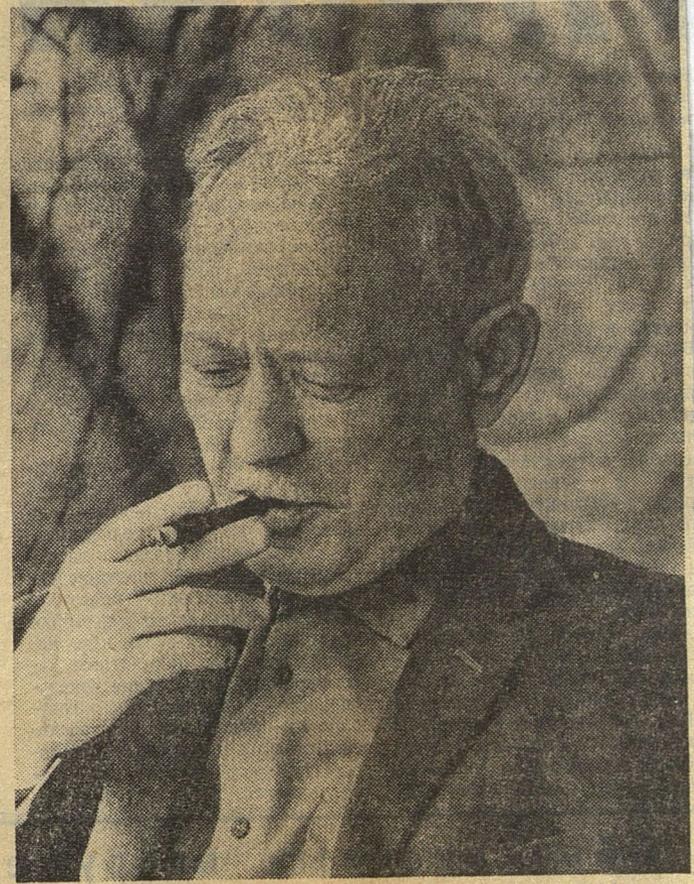
характерами. Типы, созданные им, стали бессмертными, многие личные имена превратились в нарицательные.

В «Поднятой целине» у Шолохова была другая задача. Рождался, еще только рождался новый общественный строй на земле. Он создавался коммунистами. Времени прошло так мало! Люди нового типа еще не оперились, еще не стали целостными, ярко отличительными в новой массе молодого исторического множества, а гениальное перо писателя уже подметило, отличило и само выделило их из массы...

Давыдов, Разметнов, Нагульнов...

Давыдов: черты стойкости, руководящего разума, — верности тому компасу развития социализма, какой сочетается у нас с понятием «генеральной линии партии». Спокойный и твердый характер, знающий, сумевший превратить свое знание в убеждение, руководитель, которому можно довериться, за которым можно пойти... Пусть этот тип дан еще в зачатке. Но он рос — и вырос в своем типичном облике. Пусть еще недостаточно было тогда у нас Давыдовых, но бытие их уже реально в истории, уже узнаваемо, уже любимо народом.

Разметнов: наиболее сложная фигура, с которой читатель местами связывает нерешительность, неумение принять резкие, но необходимые решения, жалостливость. Он не растет, вернее, может не расти, застояться на одном месте, уклониться в правую

сторону, но тем не менее коммунист, верный партии.

Нагульнов: размашистый, радикальный тип, связанный с некоторым левацким заскоком, — ему мало Октябрьской, он размахнулся на мировую революцию, но у него мало знаний, он сидит, сидит ногами над английским языком. И тем не менее он страстный и тоже верный партии коммунист.

...Типы, взятые из жизни, растущие, узнаваемые в современниках, как бы схваченные в своем историческом

развитии. Они кажутся эпическими, возникшими из глубин русского образного творчества. И, наконец, как образ древнего русского скomorоха, незабываемый юмористический тип деда Щукаря...

«Поднятая целина» живет и растет вместе с нами. И Шолохов — большой и настоящий писатель — растет и раскрывается в своих книгах как народный писатель, выражающий развитие народного социалистического сознания.

Мариэтта ШАГИНЯН.

11 мая 1980 г.